

В.В. Ведерников

ГОРНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИХ ЗАВОДОВ (1747-1828 гг.)

Вряд ли удастся определить первого из сказавших, что историю можно достоверно излагать с разных точек зрения. Проблема расширения исторического исследования решается привлечением методического аппарата других наук. Объект изучения – общество – сближает историю и социологию настолько, что образуется широкая межпредметная область. Еще В.О. Ключевский писал, что местная история имеет социологический характер [1]. Множество событий, из которых состоит местная история, раскладывается на устойчивые сочетания, а те, в свою очередь, на группы сочетаний. Так образуется структура естественно-исторического процесса. Сильная выраженность исторического характера местной истории требует такого соответствия, при котором модель исторического развития максимально точно копирует бы реальный ход жизни. При традиционной реконструкции исторического процесса исследователь главное внимание обращает на причинно-следственную связь между крупными явлениями, сменяющимися друг друга, т.е. стремится проследить изменения черт объекта во времени, не пытаясь связать их в единую систему. В социологических подходах к изучению общества статичная структура связей, явлений выходит всегда на первый план, но фрагментарно иллюстрирует исторический процесс. Такой подход незаменим для выявления качеств, которые завершают на определенном этапе развитие любой социальной общности.

До сих пор неисследованной остается история технических кадров Колывано-Воскресенских горных заводов. Этот вопрос важен для оценки места Сибири в истории Российской империи. Руководствуясь своим фискальным интересом, русский царь создал во второй половине XVIII в. на территории юга Западной Сибири комплекс горнодобывающей и сереброплавильной промышленности. Этот интерес монархов стал стержнем исторических процессов в этом регионе. Его реализация привела к появлению двух категорий зависимого населения: приписных крестьян, привлекавшихся к рубке и возке

дров, пережогу их в древесный уголь, и мастеровых, занятых добычей руды и выплавкой золотосодержащего серебра. Рабочая сила эксплуатировалась на всей технологической цепочке процесса выплавки драгоценного металла. Производством бликзильбера (золотосодержащего серебра) руководили специалисты – горные инженеры. Именно деятельность горных инженеров превращала цели фискальной политики в результаты.

Историография технических кадров управления горно-металлургической промышленности крайне скудна. Единственный теоретический подход к их изучению принадлежит Л.А. Дашкевич. Правовое положение горных инженеров Уральского горного округа справедливо трактуется автором именно как сущностный аспект, характеризующий их историческую природу [2].

Для создания целостного представления об объекте исследования необходим системный анализ, который бы складывался из ответов на следующие вопросы: Каковы источники формирования штата горных инженеров Колывано-Воскресенских горных заводов? Каково влияние фискальных интересов монарха и бюрократической системы управления на технические кадры Колывано-Воскресенских горных заводов? Когда выделяется общность горных инженеров и какие системные качества ее характеризуют?

Географические рамки исследования очерчены границами Колывано-Воскресенского горного округа. Хронологически тема распадается на два периода: 1) 1750-1760 гг., когда происходило становление горно-металлургического комплекса; 2) 1770-1800 гг. – время развития и наивысшего расцвета горной промышленности.

Эта история запечатлена фрагментарно в делопроизводственных документах, ценность которых заключается в том, что они отражают властные отношения. Делопроизводство – нервная система бюрократического организма. Документация фрагментарно фиксирует мысли и действия составителей. Это обстоятельство открывает возмож-

ность даже для изучения мотивов поведения и ценностных ориентаций горных инженеров в каждом конкретном случае.

Как образование штата горных инженеров, так и историческую судьбу юга Западной Сибири определил указ 1747 г. императрицы Елизаветы Петровны о взятии заводов Акинфия Демидова в казну [3, с. 700-701]. Возможность выплавки драгоценного металла, показанная Демидовым, повлияла на представления о богатстве недр края. Вскоре после его смерти по поручению императрицы бригадир Андрей Бээр взял в казну Колывано-Воскресенский, Барнаульский и Шульбинский горные заводы. Примечательно, что из-за сочетания необходимых природных условий заводы находились в равнинной лесостепной местности. Рудники же располагались в горах и рассматривались скорее всего как придаток заводов. Задача формирования квалифицированных кадров решалась непросто из-за дефицита специалистов в стране. В 1747 г. Бээр подписал контракт с Иоганом Готлибом Улихом, саксонским мастером, служившим у Демидова с 1723 г. В том же 1747 г. Кабинет в Петербурге заключил контракт с еще одним саксонским специалистом – Иоганом Самюэлем Христиани. В 1748 г. оба мастера решили проблему обогащения медных руд перед плавкой на Колывано-Воскресенском заводе. Бергмейстером Змеиногорского рудника стал Эйфельт. Источники упоминают вице-маркшейдеров Гериха и Штора, оберштейгера Гроссе и престарелого циммермана (плотника) Битнера. Из Екатеринбургских заводов сюда были переведены два горных инженера, а также несколько молодых унтер-шихтмейстеров.

Сразу же специалисты горного дела были вовлечены в систему бюрократического управления производством. На Христиани легла вся рутина текущих дел по переводу мастеровых из Екатеринбургских заводов, аттестации полутора тысяч работников, служивших ранее у Демидова. Христиани занимался также припиской к заводам крестьян, живших близ Бийской крепости и Бердского острога. Улиху вменялось в обязанность руководство крестьянами по перевозке дров, пережогу их в древесный уголь для Колыванского завода. Сразу же гражданская профессия горного инженера административруется, т.е. вовлекается в систему

бюрократического управления производством драгоценного металла.

В 1761 г. по указу Ее Императорского Величества горные инженеры Колывано-Воскресенских заводов были уравнены в правах с инженерами артиллерии [4, с. 617]. В основу императорского указа положен доклад графа Олсуфьева, возглавлявшего Кабинет Ее Величества. В гарнизонных и армейских полках не отдавали почестей горным инженерам, «почитая их за мастеровых». «Из дворянства в горную науку никто идти не хочет, – отмечал Олсуфьев, – в искусных же в том людях настает крайняя нужда» [5, с. 618]. Поэтому горные инженеры Колывано-Воскресенских заводов «по сходству математических их наук против артиллерийских и инженерных» получили только теперь оформленный юридический статус военных офицеров. На самом деле в сословной структуре русского общества эта группа представляла собой военно-бюрократическую прослойку.

Впрочем, желаемого воздействия на дворянство этот императорский указ не возымел. 48 чел. (52%) – такова численность выходцев из мастеровых среди горных офицеров Колывано-Воскресенских заводов по данным на 1800 г., 9 чел. (12%) – российские дворяне, 2 чел. – шведского происхождения, 8 чел. – саксонские горные специалисты, принявшие вечное подданство [6]. В 1760-1780 гг. разные социальные источники формирования этой профессиональной группы перемешиваются так сильно, что невозможно проследить никаких других закономерностей. В это время сокращается выслуга лет между низшим чином шихтмейстера 13 класса и последующим чином берггешворена 12 класса для дворян с 8 до 2 лет, для недворян – с 8 до 4 лет. Однако с 1790 г. сроки выслуги лет устанавливаются в первоначальном виде, создавая временной барьер для оберофицеров, выходцев из мастеровых, в продвижении по служебной лестнице. В 1800 г. в чинах 13 и 12 классов штаб- и оберофицерские дети (20-35 лет), горные инженеры во втором поколении, составили численность 9 чел., 39 чел. (45-60 лет) являлись выходцами из мастеровых. Меры Кабинета приводили к выраженной социальной обособленности кадров горных инженеров, однако в начале XIX в. доступ в аппарат управления горно-металлургической про-

мышленностью разночинцам в значительной степени был затруднен, но пока не закрыт. Численность штата горных инженеров росла неравномерно: в 1750–1760 гг. – с 8 до 23 чел., в 1770–1780 гг. – с 23 до 72 чел., в 1790–1800 гг. – с 72 до 84 чел. Резкий рост численности штата горных инженеров в 1770–1780 гг. был вызван потребностью обеспечить квалифицированными кадрами новые металлургические заводы и рудники. Кабинет, столкнувшись сразу с несколькими производственными проблемами: скудностью руд, значительной удаленностью рудников от заводов, маловодьем водоемов в зимнее время и весенними половодьями – предпочел не строить новых заводов.

Фискальный интерес монарха имел приоритет перед социальной политикой государства из-за острой потребности в квалифицированных кадрах при непрестижности горной службы у российских дворян. Поэтому мастерским в 1770–1780 гг. были созданы наилучшие условия для значительного повышения их социального статуса. При наличии достаточного количества горных инженеров Кабинет резко изменил свою кадровую политику, ограничивая продвижение разночинцев, прежде всего мастерских, по служебной лестнице.

После того, как граф Олсуфьев в 1761 г. в своем докладе предложил «определить молодых дворян небогатых и доброго состояния из шляхетных корпусов» численностью 12 человека и отправить в команду Колывано-Воскресенского Горного начальства, где «могут они научиться горному и плавильному производству», в 1762 г. в Барнаул приезжает 11 молодых дворян, будущая горная элита. Через год их произвели в обер-офицеры. Граф Олсуфьев предусматривал повторение подобной практики и впредь, но этого не произошло.

В 1763–1769 гг. на контрактной службе в Колывано-Воскресенских горных заводах находилось 12 саксонских горных инженеров, 8 из которых после истечения сроков контрактов вступили в российское подданство. Такому решению во многом способствовала зримая возможность создания жизненных удобств, а также достижение более высокого социального статуса, чем на их родине, в Саксонии. Под непосредственным наблюдением саксонских горных специалистов осуществлялось строительство машин

на водном колесе и конной тяге и практическое обучение мастеровых из местного населения управлению машинной техникой и ее ремонту.

Этот опыт вербовки Кабинет использовал в 1786 г. и 1791 г., сумев привлечь соответственно 4 и 8 горных мастеров из Саксонии [7]. Змеиногорская контора, в ведомстве которой работало большинство иностранных мастеров, указывала в 1798 г. на отсутствие надобности для заключения повторных контрактов с ними и не находила в их действиях особых навыков и знаний [8], поэтому горным мастерам тогда несколько категорично было предложено принять вечное подданство без значительного повышения социального статуса либо, по условиям контрактов, отбыть на родину. Такое решение могло показаться механику Гралле, завербованному в Дрездене в 1786 г., черной неблагодарностью. Именно под его руководством было построено не менее 6 рудоподъемных и водовывелательных машин.

В 1774 г. открывается императорское горное училище, единственное высшее учебное заведение, готовившее квалифицированные кадры горных инженеров. И все же эти эффективные меры не смогли удовлетворить острой потребности Кабинета в технических кадрах.

Основным социальным источником их рекрутирования стали мастерские. В 1763 г. несколько детей мастерских обучаются горному и плавильному делу в Змеиногорском руднике и Барнаульском заводе. Практическое групповое обучение повторилось в 1775 и 1779 гг. Так Барнаул и Змеиногорск становятся центрами образования.

Технические кадры составлялись из специалистов горно-металлургического производства, однако к началу XIX в. отчетливо прослеживается бюрократический подход горных инженеров к решению производственных проблем. Кабинет не пресекал частных усовершенствований, но и не стимулировал проявление инициатив горных инженеров в решении производственных задач, что способствовало его технологической консервации и угасанию интереса горных инженеров к производству. Деловитый обер-штейгер Фридрих Вецель, завербованный в Дрездене в 1786 г., жаловался, что скудность руд близ Локтевского рудника не дает действительной возможности следовать

распоряжению Кабинета об их добыче, но его, Вецеля, позиция русскими горными инженерами все время рассматривается как плохая работа.

Выходцы из мастеровых принесли в среду горных инженеров быт и нравы своего социального слоя. Их знание горного и заводского дела находилось на уровне практических навыков. Попустительство и нерадение нередко соединялись с грубостью и пререкословием по отношению к начальству, избиением мастеровых и пьянством.

Другим общим пороком стали хищения. В 1776 г. возникло следственное дело о недостатке казны и провианта в Змеиногорской конторе. В злоупотреблениях обвинялся припасной комиссар Дмитрий Карамышев [9], выходец из екатеринбургских мастеровых, дослужившийся до чина шихт-мейстера 13 класса. Недостача в казне обнаружилась случайно. Беглый горный служитель Иван Токарев после выхода из-под стражи безрезультатно требовал от Карамышева выплаты жалованья. Следствие вскрыло множество самых разных злоупотреблений, связанных как с запущением дел, так и со «злым умыслом». Выяснилось, что Карамышев в ходе принятия должности у шихтмейстера Хатина получил казну в сумме 450 руб. серебром и держал ее у себя дома, как и Хатин, только подменив в конторе 450 руб. серебром на медные деньги. Во время следствия Карамышев находился при исполнении должности. 22 ноября 1777 г. он был в который раз вызван в контору, «но оказался так бесчувственно пьян, что на вопрос о надлежащем до него деле никакого ответственности принять не мог». В сентябре и вторично в ноябре 1777 г. Карамышев был лишен своего звания, прот, затем восстановлен в прежнем чине. Подобная процедура стала местной традицией и вызвала удивление лесного инженера К.П. Претолчина, прибывшего на Алтай в 1904 г. и узнавшего о прошлом горных заводов со слов старожилов [10, с 148]. Приговор комиссии военного суда был строг: смертная казнь через повешение. В 1779 г. появился Карамышевский рудник и поселок. В одном из рапортов случайно встретились и подпись «Коллежский регистратор Дмитрий Карамышев». Приговор носил отпечаток формального соответствия артиллерийскому уставу, но Карамышев был переведен в звание статского чиновника, что делало его не-

подсудным Змеиногорской комиссии военного суда.

Пороки бюрократической системы проявились в трудо- и материалоёмком производстве древесного угля. «О великом недостатке угля в 1759 г., 1760 г., 1761 г. учинены в конторе Колыванского завода исчисления, из которых оказывается ... в настоящем деле великая слабость, до которой и подчинённые все доведены и в привычку вошли» [11]. Следственное дело указывает на «нерачение» угольных мастеров и «одурство» крестьян. Берггешворен 12 класса Вениамин Бэер, племянник покойного А. Бэера, обвинялся в лености и нерадении. Бюрократическая процедура наведения нужных справок дала соответствующие результаты: выяснилось, что в бытность Вениамина Бэера в Змеиногорском руднике и Барнаульском заводе «он надлежащих счетов не сочинял». Въедливый и честолюбивый гиттенфервалтер Николай Делиль де ла Кройер, который вел это внутреннее расследование, сам не отличался тщательностью исполнения такого рода бюрократических процедур. Следствие велось с 1763 г. по 1766 г. и закончилось переводом Бэера на другую должность.

Деятельность горных инженеров стала средством реализации монаршего интереса. Официальная идеология, обслуживающая этот фискальный интерес, вообще не могла совпадать с ориентацией горных инженеров на личное обогащение. В 1767 г. мастеровой Иван Губанов тайно и с ведома Иогана Улиха выплавил 28 золотников бурого золота. Улих в том же году умирает, и следственное дело было закрыто, едва возникнув [12].

За приписки несуществующих повинностей берггешворен Нянинг раздал крестьянам, возчикам угля, 25 лошадей, которых он сам не мог прокормить. Три лошади все же сдохли от истощения. Следствию не удалось подлинно выяснить, как Нянинг мог скупить целое стадо. Обращают на себя внимание низкие цены: от 3 до 5 руб. против рыночной цены 8 руб. Следствие велось с 1771 г. по 1775 г. Нянинг был осужден на 4 года тюрьмы и разжалован в солдаты [13].

В 1785 г. шихтмейстер Арсений Козьмин «впал во взятку» у мастеровых при контроле над заготовкой ими дров в Бобровской лесосеке [14].

В 1791 г. была проведена административная проверка, в результате которой вы-

яснилось, что гиттенфервалтеры Федор Ваганов, Вениамин Хоппе и Петр Попов, не сдав ведомостей, ложно вытребовали жалование офицерам и служителям. Эта же проверка вскрыла несколько фактов привлечения мастеровых горными инженерами для нужд домашнего хозяйства [15].

В 1763 г. управляющим Змеиногорским краем и рудником стал лютеранский пастор Иоган Лейбе. Во второй половине XVIII в. почти все западносибирское золото и серебро было змеиногорским по происхождению. В 1770 г. в связи с окончанием строительства новых металлургических заводов резко увеличилась добыча руды в Змеиногорском руднике. В 1771 г. заводы дали рекордный объем выплавки – 1400 пудов. Тогда же 26-летний берггешворен Василий Чулков послал на Высочайшее имя донос, в котором обвинил Лейбе в принесении многотысячных убытков казне, в том числе из-за хищнической добычи руды, когда к отправке на заводы готовилась богатая серебром руда, а руда даже со средним содержанием металла шла в отвал. Этот способ добычи мог бы привести к исчерпыванию руд самого крупного рудника. После внутреннего расследования, едва не лишившись чина, звания и свободы, без вины виноватый Чулков уезжает с Колывано-Воскресенских заводов на Олонецкие, а Лейбе в статском чине коллежского асессора был ненадолго переведен на службу в Барнаульский завод. [16]. Однако Чулков оказался прав: шахты не смогли именно при таком способе добычи уже в 1779 г. обеспечить достаточного количества руды.

Отдельные факты противостояния складываются в историю борьбы между русскими и саксонскими горными инженерами. Для этого существовали свои предпосылки. Саксонцы представляли на заводах особый интерес монарха, для них создавались лучшие условия, чтобы они по истечении сроков вторых контрактов согласились принять русское подданство. Уже в 1747 г. между обер-штейгером Гроссе и мастеровым Венедиктовым разразился конфликт. Получив грубый отказ на свое распоряжение, Гроссе ударил Венедиктова лопатой по спине. Ругань русских мастеров он воспринял как угрозу или покушение на свою жизнь [17]. Тень негативного отношения падает на слова бергмейстера Эйсфельта. В своем отчете

в 1749 г. он оговаривается, что русские мастеровые не проявляют к горным работам склонности, а «иностранцам и натура к тому охоту дала». Фридриха Вецеля, вступившего на контрактную службу в 1786 г., очень удивляло необъяснимое отрицательное отношение к нему старожилов. Обер-гиттенфервалтер Густав Клюге всю жизнь собирал гербарий и энтомологическую коллекцию, но отличался жестокостью по отношению к мастеровым [18].

В судьбе веркмейстера Гралле решающую роль сыграло решение Змеиногорской конторы, где присутствующим был и Козьма Фролов. В 1770 г. он не смог реализовать ни один из своих проектов, пока с должности командира завода не был снят блестящий карьерист генерал-лейтенант Андрей Ирман.

В 1800 г. главный начальник заводов Василий Чулков энергично проводит кадровые перемещения. Густав Клюге, всю жизнь проработавший непрерывно на Локтевском и Сузунском заводах, строивший и обновляющий там заводское оборудование по своим проектам, перемещается в отдаленный Бухтарминский рудник в должности управляющего.

Впрочем, эта внутренняя борьба мотивировалась личной неприязнью, всегда сопровождалась должностным произволом и никогда открытых форм не принимала, являясь частью того отношения горных инженеров к своим обязанностям, которое обозначено как бюрократический подход.

На удаленной неосвоенной окраине Российской империи по мере осуществления своего фискального интереса русское самодержавие через систему бюрократического управления спонтанно сформировало целый комплекс элементов европейской цивилизации. Горные инженеры получили в свое распоряжение производство драгоценного металла, ресурсы рабочей силы и природные ресурсы при наличии верховного собственника, русского царя, и заинтересованного ответственного ведомства, Кабинета. Фискальный монарший интерес завоевал правовое пространство на юге Западной Сибири, постепенно вытесняя оттуда другие ведомства во избежание возможного конфликта интересов на одной территории. «Учреждение об управлении Колывано-Воскресенских заводов» 1828 г. лишь закрепляло господство горного начальства над обширной тер-

риторией. Горные инженеры были юридически включены в производство драгоценного металла. Именно через распределение объемов полномочий фискальный интерес абсолютного монарха включал горное начальство в процессе образования Колывано-Воскресенского горного округа.

Технические кадры, обслуживавшие серебряноплавильную промышленность, формировались с самого начала по нескольким критериям: отраслевому, территориальному, ведомственному и социальному, что и обеспечило формирование автономного социального организма. Выделение социальной общности горных инженеров обозначилось уяснением той роли, которую играет каждый горный инженер в производстве драгоценного металла. В письмах начала 60-х гг. XVIII в. к Христиани впервые обращаются «Иван Андреевич», а к Улиху – «Иван Давыдович» [19]. Появились устойчивые взаимоотношения, которые все время обеспечивали согласованность действий разных должностных лиц по управлению производством, или координация, первое системное качество общности горных инженеров.

В 1760-1770 гг. Общность горных инженеров пережила четыре крупных внутренних разбирательства, в судебном порядке рассматривались дела Вениамина Бэера, Дмитрия Карамышева, Андрея Нянинга и Иогана Лейбе, наверняка имевшие широкий резонанс в среде горных инженеров. Перед лицом общности горных инженеров имелось четыре факта жесткого силового воздействия властных отношений, поставивших перед необходимостью отыскивать действительно безопасные пути создания материальных удобств, т.е. на основе внутреннего согласия вырабатывать общепринятые нормы поведения и оправдывающую незаконное обогащение систему ценностей. Документы 80-х гг. XVIII в. фиксируют исключительно факты мелких злоупотреблений с последующим выговором в присутствии господ штаб- и обер-офицеров. В это время формируется адаптация – второе системное

качество общности горных инженеров. Нормативные ресурсы власти всегда ограничены и не распространяются на эмоционально-нравственные отношения неофициального характера. Эти традиции управления подменяются знанием законов, никогда их не замещая. Общность горных инженеров в 1817 г. [20] зримо распадается на три группы: штаб-офицерство, т.е. горная элита, и ее окружение (10% всей численности), молодое обер-офицерство (30%) – горные инженеры во втором поколении, старое обер-офицерство (60%) – выходцы из мастеровых, основной ресурс роста численности штата 1770-1780 гг. В аппарате управления новообразование «общность горных инженеров» структурировалось поверх установленных нормативов – появилась открытая социальная подсистема с механизмом саморегуляции (традициями, ценностями).

Впервые в истории Колывано-Воскресенских заводов в 1800 г. главный начальник Василий Чулков провел тасовку кадров, чтобы пресечь незаконное обогащение и разорвать сложившиеся связи, образованные группами горных инженеров за долгие годы совместной службы на одном – двух предприятиях. К началу XIX в. начинает проявлять себя третье системное качество общности горных инженеров – корпорация, характеризующаяся исключительно потомственной, династийной связью с производством. Однако эти отношения еще не строятся на кровнородственных связях, обусловленных сословной замкнутостью горных инженеров. Главным критерием сформированности этого системного качества служит замещение старого оберофицерства молодым, однако этот процесс мы застаем в самом его начале.

Таким образом, в горно-металлургическом комплексе Западной Сибири на рубеже XVIII-XIX вв. назревают застойные явления, вызванные двумя тенденциями: консервацией производства и обособлением штата горных инженеров в сословие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. 1: Курс русской истории. М., 1987.

2. Дашкевич Л.А. Социально-правовое положение технических кадров горных за-

водов Урала в первой половине XIX в. Свердловск, 1991.

3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XI. №9403.

4. ПСЗРИ. Т. XV. №11241.
5. ПСЗРИ. Т. XV. №11185.
6. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (в дальнейшем ЦХАФ АК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 316.
7. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3540. Л. 327.
8. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 366. Л. 247.
9. ЦХАФ АК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 12.
10. Колесников А.А. Из воспоминаний К.П. Перетолчина // Алтайский сборник. Вып. XVII. Барнаул, 1993.
11. ЦХАФ АК Ф. 1. Оп. 1. Д. 386. Л. 62.
12. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 606. Л. 41.
13. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 575. Л. 388.
14. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 603. Л. 1024 об.
15. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 603. Л. 1024 об.
16. ЦХАФ АК .Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Л. 12.
17. ЦХАФ АК.Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 75-75 об.
18. ЦХАФ АК. Ф.1. Оп. 2. Д. 603. Л. 1033.
19. ЦХАФ АК. Ф.1. Оп. 2. Д. 375. Л. 18.
20. ЦХАФ АК. Ф.1. Оп. 2. Д. 216.